

Суровяткина Надежда Евгеньевна

Surovyatkina Nadezda Evgenyevna

главный юрисконсульт Юридического
управления Поволжского банка, ПАО Сбербанк
Chief legal adviser, Legal department, Sberbank

УДК 34; 347.9

**ЗАЩИТА ПРАВ ГАРАНТА ОТ НЕОБОСНОВАННЫХ
ТРЕБОВАНИЙ БЕНЕФИЦИАРА**
**PROTECTION OF THE GUARANTOR`S RIGHTS
FROM UNFAIR ACTIONS OF THE BENEFICIARY**

Ключевые слова: независимая гарантия, ответственность гаранта и бенефициара, взыскание убытков, необоснованное требование платежа.

Keywords: independent guarantee, liability of the guarantor and beneficiary, recovery of losses, unreasonable claim for payment

В статье анализируются основные инструменты защиты прав гаранта от недобросовестных действий бенефициара; тенденции правоприменительной практики, связанные с независимостью банковской гарантии; правовые проблемы применения инструмента взыскания гарантом убытков с бенефициара при необоснованном требовании в платеже.

The article provides analysis of the main tools for protecting the rights of the guarantor from unfair actions of the beneficiary. Besides it analyzes the compliance practice trends related to the independence of performance bonds; legal problems caused by recovery of losses by a guarantor from the beneficiary in case of an unreasonable claim for payment.

Законодательное регулирование вопросов банковской (независимой) гарантии претерпело значительное изменение еще в 2015 году, когда Федеральным законом от 8.03.2015 №42-ФЗ были внесены изменения в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» в §6 гл. 23 ГК РФ. Кроме того, вопросам независимой (до 1.06.2015 – банковской) гарантии посвящен ряд разъяснения ВАС РФ и ВС РФ.

Однако спорных вопросов в практике применения положений §6 гл. 23 ГК РФ и до настоящего времени остается немало, в том числе в части, касающейся защиты прав гаранта от необоснованных требований бенефициара.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что ВС РФ поддерживает ранее выработанные позиции, связанные с независимостью банковской гарантии, а нижестоящие суды все более критически относятся к доводам гаранта о злоупотреблении правом со стороны бенефициара [1].

Судами активно поддерживается позиция, что независимость гарантии обеспечивается наличием специальных, и при этом исчерпывающих, оснований для отказа гаранта в удовлетворении требования бенефициара, которые никак не связаны с основным обязательством (п. 1 ст. 376 ГК РФ). Гарант не вправе дополнительно к условиям, содержащимся в независимой гарантии, требовать у Бенефициара доказательства наличия ущерба, его размера и причинной связи между действиями принципала и возникшими у бенефициара убытками [2].

В соответствии с п. 9 Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 5.06.2019, если в гарантии отсутствовали какие-либо положения о порядке выполнения и оформления расчета суммы требования, о содержании расчета, то оценка данного расчета на предмет полноты и обоснованности означала бы исследование отношений между принципалом и бенефициаром, что выходит за рамки формальной проверки документа гарантом по его внешним признакам и не может влиять на решение о выплате по гарантии.

Суды придерживаются мнения, что гарант обязан осуществлять выплату по банковской гарантии при любом нарушении обеспеченного гарантией обязательства. Указанное подчеркивается в Определении ВС РФ от 28.07.2016 №305-ЭС16-3999 по делу №А40-26782/2015, согласно которому «...институт банковской гарантии направлен на обеспечение бенефициару возможности получить исполнение максимально быстро, не опасаясь возражений принципала-должника, в тех случаях, когда кредитор (бенефициар) полагает, что срок исполнения обязательства либо иные

обстоятельства, на случай наступления которых выдано обеспечение, наступили...».

Позицию судов не меняют и случаи предъявления принципалами /третьими лицами (например, конкурсными кредиторами принципала – банкрота) возражений либо самостоятельных денежных требований к гаранту, мотивированных отсутствием оснований для выплаты по банковской гарантии и, как следствие, отсутствие права на регрессные требования к принципалу.

Более того, в июле текущего года Верховный Суд ужесточил позицию относительно ответственности гаранта за необоснованное уклонение от выплаты бенефициару суммы банковской гарантии.

По общему правилу, бенефициар вправе требовать от гаранта, необоснованно уклонившегося, отказавшегося либо просрочившего уплату суммы по гарантии, выплаты процентов за пользование чужими денежными средствами. В соответствии с п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ №13, Пленума ВАС РФ №14 от 8.10.1998 обязательство гаранта по банковской гарантии выплатить сумму бенефициару при соблюдении условий гарантии является денежным. В соответствии с п. 2 ст. 377 ГК РФ ответственность гаранта перед бенефициаром за невыполнение или ненадлежащее выполнение гарантом обязательства по гарантии не ограничиваются суммой, на которую выдана гарантия, если в гарантии не предусмотрено иное. Следовательно, при отсутствии в гарантии иных условий бенефициар вправе требовать от гаранта, необоснованно уклонившегося или отказавшегося от выплаты суммы по гарантии либо просрочившего ее уплату, выплаты процентов в соответствии со ст. 395 Кодекса.

В Определении ВАС РФ от 4.06.2014 №ВАС-6958/14 по делу №А40-30400/13-170-293 содержится следующее обоснование указанного подхода: согласно п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 №7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее – постановление №7) заключенное заранее соглашение об устранении или ограничении ответственности не освобождает от ответственности за умышленное нарушение обязательства (п. 4 ст. 401 ГК РФ).

Отсутствие умысла доказывается лицом, нарушившим обязательство (пп. 1 и 2 ст. 401 ГК РФ). Например, в обоснование отсутствия умысла должником, ответственность которого устранена или ограничена соглашением сторон, могут быть представлены доказательства того, что им проявлена хотя бы минимальная степень заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства.

Позднее, Верховный Суд поддержал указанный подход. Так, в Определении от 21.08.2017 №305-ЭС17-6989 по делу №А40-86139/2016 Верховный Суд указал, что удовлетворение иска бенефициара о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами в полном объеме без учета ограничения предела ответственности гаранта, исходя из длительной просрочки выплаты суммы гарантии и отсутствия доказательств проявления банком заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства, не противоречит приведенным нормам материального права и разъяснениям, изложенным в Постановлении №7.

Вместе с тем, единообразная практика применения положений ст. 369, 370, 374, 377 ГК и указанных разъяснений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации до недавнего времени так и не сложилась.

Зачастую суды отказывали во взыскании с гаранта начисленных по ст. 395 ГК процентов, превышающих сумму, на которую выдана гарантия, при наличии в ней оговорки об ограничении ответственности гаранта соответствующей суммой. При этом, суды делали вывод, что сумма предусмотренных ст. 395 ГК процентов за пользование чужими денежными средствами находится за пределами банковской гарантии. Однако умысел гаранта в неисполнении требования бенефициара либо напротив, обстоятельства проявления банком заботливости и осмотрительности при получении такового судами, как правило, не устанавливались [3].

В рамках сложившейся судебной практики арбитражными судами трех инстанций рассмотрен один из кейсов с участием Поволжского банка (Астраханское отделение; дело №А06-6343/2018) с направлением дела на новое рассмотрение.

В июне 2020 года Судебная коллегия по экономическим спорам в Определении от 11.06.2020 №305-ЭС19-25839 по делу

№А40-231971/2018 вновь обратилась к вопросу о возможности условиями гарантии полностью исключить ответственность гаранта за несвоевременное исполнение собственных обязательств.

Как следовало из фактических обстоятельств рассматриваемого спора, условиями гарантии определена ответственность гаранта перед бенефициаром, предел которой ограничен уплатой суммы, на которую она выдана. Сумма банковской гарантии составляет половину текущей суммы основного долга. Суды нижестоящих инстанций исходили из того, что банк уплатил по гарантии половину текущей суммы основного долга, следовательно, обязательства гаранта исполнены и предел его ответственности исчерпан. Бенефициар не вправе рассчитывать на что-то большее, в том числе и на проценты за просрочку по выплате гарантии. Выводы судов мотивированы ссылками на ст. 377, 421, 431 ГК РФ.

Судебная коллегия не согласилась с изложенной позицией судов, мотивировав свою позицию все теми же нормами права и совместным постановлением №13/14.

Как указал Верховный Суд, в п. 1 ст. 377 ГК РФ речь идет о пределах собственного обязательства гаранта перед бенефициаром, которое выражается в обязанности полностью и своевременно выплатить денежную сумму по гарантии.

Ответственность гаранта за неисполнение или ненадлежащее исполнение этого его обязательства урегулирована в п. 2 ст. 377 ГК РФ.

По мнению судебной коллегии, не имеется достаточных оснований полагать, что гарант обладает безграничной свободой усмотрения при формулировании им в банковской гарантии условия о собственной ответственности. В частности, в банковской гарантии не может быть условия об освобождении гаранта от ответственности за нарушение им собственных обязательств (в том числе за просрочку оплаты) по его же умышленной вине (п. 4 ст. 401 ГК РФ).

Условие об исключении ответственности гаранта за просрочку выплаты должно признаваться ничтожным (если оно изложено буквально) либо толковаться ограничительно в системной взаимосвязи с положениями п. 4 ст. 401 ГК РФ и не подлежит применению к случаям умышленного нарушения гарантом своих обяза-

тельств, то есть к ситуациям, когда гарант в результате, например, несвоевременного рассмотрения требования бенефициара, отказа ему в выплате по надуманным основаниям, вынуждающим нести издержки при выполнении необоснованных требований гаранта, не проявил минимальной степени заботливости и осмотрительности, которая от него требовалась для своевременного исполнения обязательства (п. 7 Постановления №7).

Таким образом, при существующем законодательном регулировании независимой, в том числе банковской, гарантии и декларируемом Верховным Судом формальном подходе к оценке требования бенефициара, отказ банка (гаранта) в платеже даже недобросовестному бенефициару сопряжен с высокими рисками несения необоснованных расходов (ущерба), связанных как с выплатой самой суммы гарантии, так и процентов за пользование чужими денежными средствами.

Казалось бы, соблюдению баланса интересов бенефициара и гаранта служат нормы ст. 375.1 ГК РФ, предусматривающие обязанность бенефициара возместить гаранту, наряду с принципом, убытки, которые причинены вследствие того, что представленные им документы являлись недостоверными либо предъявленное требование являлось необоснованным. Предусмотренная ст. 375.1 ГК РФ возможность взыскания убытков с недобросовестного бенефициара обеспечивает защиту нарушенного права исполнившего обязательство гаранта.

Однако практика применения ст. 375.1 ГК РФ, а именно взыскание непосредственно гарантом убытков с бенефициара, предъявившего необоснованное требование, немногочисленна и обнаруживает ряд правовых проблем, требующих разрешения.

Первая и самая очевидная проблема – это проблема доказывания необоснованности предъявленного требования. В предмет доказывания по такого рода спорам входят обстоятельства выполнения гарантируемых банковской гарантией обязательств и/или причин их невыполнения, в том числе вина принципала в таком неисполнении, а также наличие имущественного требования бенефициара к принципалу на момент предъявления требования в платеже по банковской гарантии. Указанные обстоятельства, как правило, не известны гаранту. Таким образом, результаты судеб-

ного разбирательства, в целом и требования гаранта в частности, напрямую зависят от активной и добросовестной процессуальной позиции принципала.

В отличие от проблемы сбора доказательств, преодолимой в рамках конкретного спора процессуальными инструментами, в том числе истребованием доказательств, иные проблемные вопросы, обусловлены самой формулировкой ст. 375.1 ГК, которая носит общий характер и отсутствием разъяснений Верховного Суда относительно порядка применения статьи при предъявлении требований о возмещении убытков одновременно принципалом и гарантом.

С такими проблемами столкнулся Поволжский банк при рассмотрении Арбитражным судом Самарской области дела №А55-6005/2019 (в настоящее время дело находится на рассмотрении арбитражного суда апелляционной инстанции).

ПАО Сбербанк (гарант) по просьбе принципала выдана банковская гарантия исполнения последним обязательств перед бенефициаром по государственному контракту. Бенефициар обратился к ПАО Сбербанк с требованием об осуществлении уплаты денежной суммы по банковской гарантии, уведомив гаранта о неисполнении (ненадлежащем исполнении) принципалом обязательств перед Бенефициаром. Гарант во исполнение требования платежа по банковской гарантии осуществил платеж в пользу бенефициара. Решением районного суда удовлетворен иск банка к принципалу и его поручителю о возмещении средств, уплаченных по банковской гарантии. На основании выданного районным судом исполнительного листа в отношении принципала и его поручителя возбуждены исполнительные производства.

Посчитав, что требование Бенефициара об осуществлении уплаты денежной суммы по банковской гарантии является необоснованным, поскольку ненадлежащее исполнение генподрядчиком (принципалом) контракта произошло по вине заказчика, принципал обратился в Арбитражный суд Самарской области с иском к бенефициару о взыскании в порядке ст. 375.1 ГК РФ убытков, в том числе необоснованно полученной суммы по банковской гарантии и неустойки.

Банк обратился в арбитражный суд с заявлением о привлечении в дело в качестве третьего лица с самостоятельными требованиями, полагая, что именно он, а не принципал является лицом, понесшим убытки вследствие того, что предъявленное бенефициаром требование являлось необоснованным.

Арбитражным судом установлены обстоятельства невыполнения подрядчиком (принципал) работ по контракту вследствие просрочки бенефициара и сделан вывод об отсутствии у бенефициара оснований для предъявления гаранту требования платежа по банковской гарантии.

Однако решением Арбитражного суда Самарской области убытки с бенефициара взысканы в пользу принципала, а не гаранта.

Наличием решения р-ного суда о взыскании в пользу банка с принципала и его поручителя долга в порядке регресса суд обосновал как вывод о наличии убытков на стороне Истца, так и вывод об отсутствии таковых на стороне банка. Суд посчитал, что банком избран уже способ защиты нарушенного права путем предъявления регрессных требований принципалу и его поручителю (ст. 379 ГК РФ) и данный способ реализовался, учитывая частичное погашение регрессных требований банка за счет имущества поручителя в ходе исполнительного производства. Требования Банка о взыскании убытков с бенефициара расценены судом как попытка повторного взыскания и возникновения у банка неосновательного обогащения. Подобная мотивировка лежит в основе подавляющего большинства решений по требованиям гарантов о взыскании убытков с бенефициара при неполучении возмещения со стороны принципала. Исключения составляют лишь отдельные кейсы, где судами установлены обстоятельства невозможности возмещения гаранту выплаченной в соответствии с условиями банковской гарантии денежной суммы за счет принципала, в том числе в связи неплатежеспособностью (частный случай – банкротством) последнего. В таком случае именно гарант признается лицом, имеющим материально-правовой интерес в удовлетворении требования о взыскании убытков с недобросовестного бенефициара [4].

Однако даже банкротство принципала не всегда признается судами достаточным основанием предъявления гарантом самостоятельного требования к бенефициару [5].

К слову сказать, в материалы дела, рассмотренного Арбитражным судом Самарской области, банком представлены доказательства неплатежеспособности принципала и его поручителя, что не повлияло на выводы суда.

Следует отметить, что помимо прочего, судебные решения об отказе в требованиях гаранту зачастую содержат ссылку на п. 30 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017, в котором Верховный Суд указал, что правила п. 1 ст. 370 ГК РФ о независимости банковской гарантии не исключают требований принципала к бенефициару о возмещении убытков, вызванных недобросовестным поведением последнего при получении суммы по банковской гарантии, в порядке ст. 15, 375.1 ГК РФ. При этом, о праве гаранта предъявить такое требование Верховный Суд не упомянул, что позволяет оппонентам гаранта в судебных спорах говорить о праве именно принципала требовать возмещения убытков в порядке ст. 375.1 ГК РФ.

На наш взгляд обращение банка в исковом порядке к принципалу и его поручителю о взыскании задолженности по договору о предоставлении банковской гарантии, в том числе взыскании в порядке регресса уплаченного бенефициару платежа по банковской гарантии, не исключает право банка (гаранта) требовать возмещения бенефициаром понесенных банком убытков в связи с необоснованным требованием платежа по банковской гарантии.

Конституционный Суд РФ в Определении от 21.09.2017 №1791-О (п. 4.1) выразил правовую позицию, согласно которой защита гражданских прав осуществляется способами, перечисленными в ст. 12 ГК РФ. Исходя из предписаний ст. 45 ч. 2 и ст. 46 ч. 1 Конституции Российской Федерации заинтересованное лицо по своему усмотрению выбирает формы и способы защиты своих прав, не запрещенные законом, в том числе посредством обращения за судебной защитой, будучи связанным лишь установленным федеральным законом порядком судопроизводства (Постановление от 22.04.2013 №8-П; определения от 17.11.2009 №1427-О-О, от 23.03.2010 №388-О-О, от 25.09.2014 №2134-О, от 9.02.2016 №220-О

и др.). Иными словами, выбор способа защиты права принадлежит субъекту права, который вправе воспользоваться как одним из них, так и несколькими способами.

На допустимость использования участниками гражданских правоотношений нескольких способов защиты нарушенного права указано также в Определении Конституционного Суда РФ от 25.06.2019 №1655-О.

Согласно разъяснениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, изложенным в абз. 4 и 5 п. 16 Постановления от 23.12.2010 №63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», принятие судом в деле о банкротстве судебного акта о применении последствий недействительности первой сделки путем взыскания с другой стороны сделки стоимости вещи не препятствует удовлетворению иска о ее виндикации, а при наличии двух судебных актов (о применении последствий недействительности сделки путем взыскания стоимости вещи и о виндикации вещи у иного лица) судам необходимо учитывать, что если будет исполнен один судебный акт, то исполнительное производство по второму судебному акту оканчивается судебным приставом-исполнителем в порядке ст. 47 Федерального закона от 2.10.2007 №229-ФЗ «Об исполнительном производстве»; если будут исполнены оба судебных акта, то по позднее исполненному осуществляется поворот исполнения в порядке ст. 325 АПК РФ.

Учитывая одновременное предъявление требований о взыскании убытков гарантом, фактически исполнившим необоснованное требование бенефициара, и Принципалом, не возместившим в порядке регресса платеж по банковской гарантии, к спорным правоотношениям указанные разъяснения могут быть применены по аналогии.

Тот факт, что в качестве исключения из общего правила, в случае очевидной невозможности удовлетворения заявленных в порядке ст. 379 ГК РФ требований по причине банкротства принципала, судами за гарантом все же признается право требовать возмещения убытков с недобросовестного бенефициара, также косвенно подтверждает принципиальную допустимость реализации гарантом обоих способов компенсации понесенного ущерба.

Еще больший интерес представляет вопрос, кого же считать лицом, понесшим убытки от необоснованного требования бенефициара в том случае, когда регрессные требования гарантом заявлены, но фактически не удовлетворены.

Как положительную в практике применения ст. 375.1 ГК РФ стоит отметить тенденцию удовлетворения исков принципалов к недобросовестным бенефициарам, обосновывающих убытки исполнением в порядке регресса требований гаранта [6].

Однако по делам с конкурирующими требованиями гаранта и принципала, в том числе по кейсу с участием Поволжского банка, суды зачастую делают вывод, что удовлетворение иска в порядке ст. 379 ГК РФ (или предъявление требования в целях включения в реестр требований кредиторов должника – принципала), предполагает отсутствие убытков на стороне банка и напротив, свидетельствует о возникновении у принципала расходов, которые он должен будет произвести на основании вступившего в законную силу судебного акта (ст. 15 ГК РФ).

Таким образом, реальный ущерб на стороне гаранта усматривается в утрате имущества за счет выплаты денежных средств по банковской гарантии, а на стороне принципала – в расходах, которые он должен будет произвести для восстановления нарушенного права.

Для решения вопроса о том, чье же требование, гаранта или принципала, подлежит удовлетворению попробуем обратиться к разъяснениям высших судебных инстанций относительно природы убытков и условий их возмещения.

Как следует из п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2016 №7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств», а также правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 4 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №3 (2018)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018) (ред. от 26.12.2018), по смыслу ст. 15, 393 ГК РФ причинно-следственная связь между неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства должником и убытками означает, что возникшие у кредитора убытки должны непо-

средственно следовать из допущенного должником нарушения обязательства. Возмещение убытков означает, что в результате их возмещения кредитор должен быть поставлен в положение, в котором он находился бы, если бы обязательство было исполнено надлежащим образом.

Между тем, иск о взыскании в порядке ст. 379 ГК РФ долга с принципала является иском о присуждении. Такое решение не привносит в правовое положение гаранта ничего нового, оно просто дает возможность принудительно удовлетворить регрессное требование.

Поскольку именно гарант осуществил выплату денежных средств по необоснованному требованию бенефициара, то непосредственные убытки возникли именно у него. Убытки банка, в данном случае реальный ущерб в размере выплаченной суммы по банковской гарантии, будут возмещены только в случае получения банком денежных средств в соответствующем размере. Взыскание с бенефициара убытков в пользу гаранта непосредственно восстановит имущественное положение гаранта, в котором тот находился бы при добросовестном поведении бенефициара (предполагается, что добросовестный бенефициар воздержится от необоснованного предъявления требований по банковской гарантии). Имущественное положение же принципала до момента возмещения гаранту в порядке ст. 379 ГК РФ выплаченных денежных средств не претерпевает какого-либо ущемления, он не несет каких-либо расходов, то есть до возмещения средств гаранту у него отсутствует материально-правовой интерес во взыскании убытков с бенефициара.

Напротив, присуждение в пользу принципала убытков, составляющих размер исполнения требований по Банковской гарантии, приведет к неосновательному обогащению принципала, не возместившему банку сумму платежа. В случае же сводного исполнительного производства или банкротства принципала, как в случае кейса с участием Поволжского банка, взыскание в пользу последнего убытков, наличие которых обосновано регрессными обязательствами принципала, не гарантирует восстановление нарушенного права гаранта и достижение правового результата, на который подобное решение направлено, поскольку взысканные

с бенефициара в качестве убытков денежные средства подлежат распределению между всеми взыскателями в сводном исполнительном производстве/кредиторами в деле о банкротстве.

В заключении отметим, что в ситуации, когда наличие убытков принципал обосновывает необходимостью в дальнейшем возместить регрессные требования банка, отказ в одновременно предъявленных требованиях гаранта:

- не отвечает целям процессуальной экономии. Удовлетворение иска гаранта уже исключает необходимость защиты будущего права принципала;

- не влечет непосредственного возмещения уже понесенного банком ущерба;

- не гарантирует восстановление нарушенного права банка и достижение правового результата, на который решение направлено, поскольку взысканные с бенефициара в качестве убытков денежные средства утрачивают свое целевое назначение в момент поступления в распоряжение принципала.

Таким образом, при одновременном рассмотрении судом конкурирующих требований гаранта и принципала, требованиям гаранта о возмещении реального ущерба не могут противопоставляться требования принципала, которые: предположительно могут возникнуть в будущем; носят производный характер (отсутствует признак непосредственности) и обусловлены необходимостью компенсации потерь гаранта (ст. 379 ГК РФ).

* * *

1. Постановление Президиума ВАС РФ от 24.06.2014 №3853/14; Определение ВС РФ от 28.07.2016 №305-ЭС16-3999 по делу №А40-26782/2015; Определение ВС РФ от 20.05.2015 №307-ЭС14-4641; Определение ВС РФ от 12.08.2015 №305-ЭС15-4441; Определение ВС РФ от 28.07.2016 №305-ЭС16-3999; Определение ВС РФ от 14.07.2017 №305-ЭС17-8253; Определение ВС РФ от 18.06.2019 №305-ЭС17-23245 по делу №А40-117455/2016.

2. Определение Верховного Суда РФ от 7.09.2017 №305-ЭС17-5496 по делу №А40-85050/2016; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6.02.2019 №Ф05-22522/2018 по делу №А40-190933/2017.

3. Постановление ФАС Московского округа от 14.02.2014 №Ф05-167/2014.

4. Определение от 27.08.2018 №305-ЭС18-11950 по делу №А40-102860/2017.

5. Например, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 июля 2020 года №Ф05-10584/2019.

6. Пункт 30 Обзора судебной практики применения законодательства Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, утвержденного Президиумом Верховного Суда РФ 28.06.2017; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 2.07.2019 №09АП-27815/2019 по делу №А40-74799/18; Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 6.03.2019 №10АП-2325/2019 по делу №А41-76523/18; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.02.2019 №Ф05-29/2018 по делу №А40-74323/2017; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.10.2018 №09АП-49020/2018 по делу №А40-77693/2018; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.12.2017 №Ф05-18244/2017 по делу №А40-17416/2017.